

*Давай играть, что нам с тобою восемь,
и наши сны невинны и легки...*

Рита Александрович

Нянечка, убираясь в палате, выбросила мой научный эксперимент. Я начала его в прошлое воскресенье, когда не приехала мама. Я тогда ходила вдоль забора под соснами и нашла целую россыпь мертвых жуков. Маленькие, чуть больше зернышка гречки, с блестящими черными спинками и крепко поджатыми лапками. Я думала, они светятся в темноте, как в книжке про Карика и Валю, и собрала, наверное, тысячу штук, чтобы читать ночью под одеялом. У меня был пузырек из-под одеколона «Кармен» с картинкой на этикетке, где женщина нюхает розу — вот в него я их и запихнула.

Жуки не светились в темноте, и я решила, им нужно дать хорошенько сгнить, чтоб получились гнилушки, тогда они будут светиться. Они гнили в тумбочке три дня, а сегодня, пока мы были на утренней прогулке, нянечка их выбросила. Я плакала до самого обеда, даже в столовую опоздала, воспитательница звала, а я не шла, потому что плакала.

В столовой я увидела, что за нашим столом сидит кто-то в оранжевой шапке. Это была новая девочка, а оранжевое — вовсе не шапка, а кудрявые рыжие волосы. Девочка ела с аппетитом, у нас в туберкулезном санатории такое редкость. А когда из большого чайника разлили сладкий чай, она взяла с блюдечка свой кружочек масла и положила в стакан. Другие девочки поморщились и даже чуть-чуть завизжали.

Мне стало весело. Я тоже взяла свое масло и бросила в чай. Девочки снова завизжали, а одна сделала вид, будто ее сейчас вырвет. Чай с маслом оказался вкусным. Ну, по крайней мере, ни на что не похожим.

Наш санаторий называется туберкулезный, но туберкулеза у меня нет, только сомнительное пирке. Когда я была маленькой, мне нравился рыбий жир, а здесь я стала его ненавидеть, потому что все девочки ужасно мучаются, когда его приходится пить. Раньше я просто не догадывалась, какой он противный, а теперь меня тоже от него тошнит. Медсестра дает нам рыбий жир с ложки, следит, чтобы мы проглотили, и высыпает из бумажки на язык кислую аскорбинку. Остальные витамины, похожие на разноцветные конфеты драже, она сыплет каждо-

му в ладонь. Мы их скармливаем Жучке, она всегда голодная и всегда ждет нас у ступенек корпуса. Хвост у нее белый, пушистый и загибается на спину, а бока облезлые. Воспитательница говорит, собакам вредно столько витаминов.

На прогулке мы с новенькой девочкой ходили под соснами вдоль забора, и я узнала, что ее звать Мирра, а пить чай с маслом ее научила соседка по квартире, старая большевичка. Такая старая, что в революцию была в отряде Котовского. Я знаю Котовского, он лысый, с большой головой и очень быстро ото всех убегает — нам в санатории показывали кино.

Еще мы с Миррой играли, будто беседка — это корабль, мы переплыли океан, высадились в Патагонии, и Мирру утащил гигантский кондор. Я поразила его метким выстрелом в голову, и Мирра бездыханно упала на землю, раскинув руки, но потом ожила, и мы радовались и пировали, и ели халву из сосновой коры на блюдах из листьев, а рассеянный Паганель съел халву вместе с блюдцем и сказал, что вкусно, но чуть жестковато. Это было так смешно, что мы и в столовой за ужином не могли перестать смеяться, и воспитательница сказала, что рассадит нас по разным столам, но мы все равно не могли удержаться, даже есть не могли от смеха.

Вечером я показала Мирре, как гладят ленты без утюга: надо их намочить и туго намотать на спинку кровати, на блестящую железную трубку. Утром ленты сухие и глаженные. У Мирры косички толстые, потому что волосы кудрявые, а у меня тонкие. Зато дома у меня есть лента, которая не мнется. Она из капрона, голубая, почти прозрачная, как вода. Няня не дала мне ее в санаторий — сказала, что потеряю, — и разрешила взять только атласные. Мама бы разрешила, но чемодан мы собирали без мамы.

Я часто теряю вещи. Однажды пришла домой без пальто, потому что было тепло. Потом бродила по соседним дворам, искала и думала, как няня будет меня весь день ругать. Пальто нашлось на бревнах возле сараев.

В субботу в санатории крутили кино про голубей, мы все плакали. Там была злая соседка, она во дворе сушила белье. Голубь сел на веревку, капнул на простыню, а соседка взяла и убила его. Свернула шею. Прямо руками.

Мирра плакала громче всех. Она кричала, что как можно показывать такое кино больным детям, тем более на ночь, и стала икать и не могла остановиться, все время икала, хотя уже не плакала. Воспитательница поила ее водой.

Завтра воскресенье, завтра приедет мама.

Мама не приехала. Зато приехал брат Вовка, я его не ждала и очень обрадовалась. Ему в санатории выдали меня, потому что он взрослый, на десять лет старше. Недавно ему исполнилось восемнадцать — это легко сосчитать. Мы шли среди полей по мягкой дороге, я держалась брата за палец, а он рассказывал о собаках Стрелке и Белке, как они вот только что летали на ракете в космос, где совершенно нет воздуха, и живыми вернулись обратно. Я ничего об этом не зна-

ла, потому что в санатории нам не сказали. Еще он говорил о звездах, о разных планетах, и что скоро люди станут жить на Луне и Марсе.

Мне тоже хотелось рассказать что-нибудь такое, чтобы Вовка сказал: «Ух ты!» Я хорошо знаю это желание, оно растет внутри, как если бы кто-то надудвал шарик, и я сначала креплюсь, а потом уже не могу — и тогда я вру. Или еще что-нибудь неподходящее делаю. Однажды я была дома одна, и пришел мамин знакомый, строгий дядька с портфелем и в шляпе. Он остался ждать маму, сидел на стуле, держал шляпу на коленях. Я хотела удивить его и вспомнила, как надо мной недавно во дворе подшутил один мальчик:

— Знаете, как расшифровывается имя «Коля»?

Дядька не знал, и я сказала:

— Корова отелилась летом!

Он, конечно же, спросил:

— А «я»?

— А вы зимой! — сказала я, уже чувствуя, что происходит что-то не то.

Дядька сразу стал красным, надел свою шляпу и вышел. Тут как раз открылась наружная дверь, и я услышала, как мама сказала радостно:

— Николай Сергеевич!

А потом еще раз, уже удивленно:

— Николай Сергеевич?..

Мама стояла, не закрывала дверь, и было слышно как дядька топает по лестнице. Лестница у нас крутая, деревянная, по ней можно громко топать. Потом мама вошла в комнату и спросила:

— Что это с ним?

Я промолчала. А дядька этот, между прочим, к нам больше не приходил.

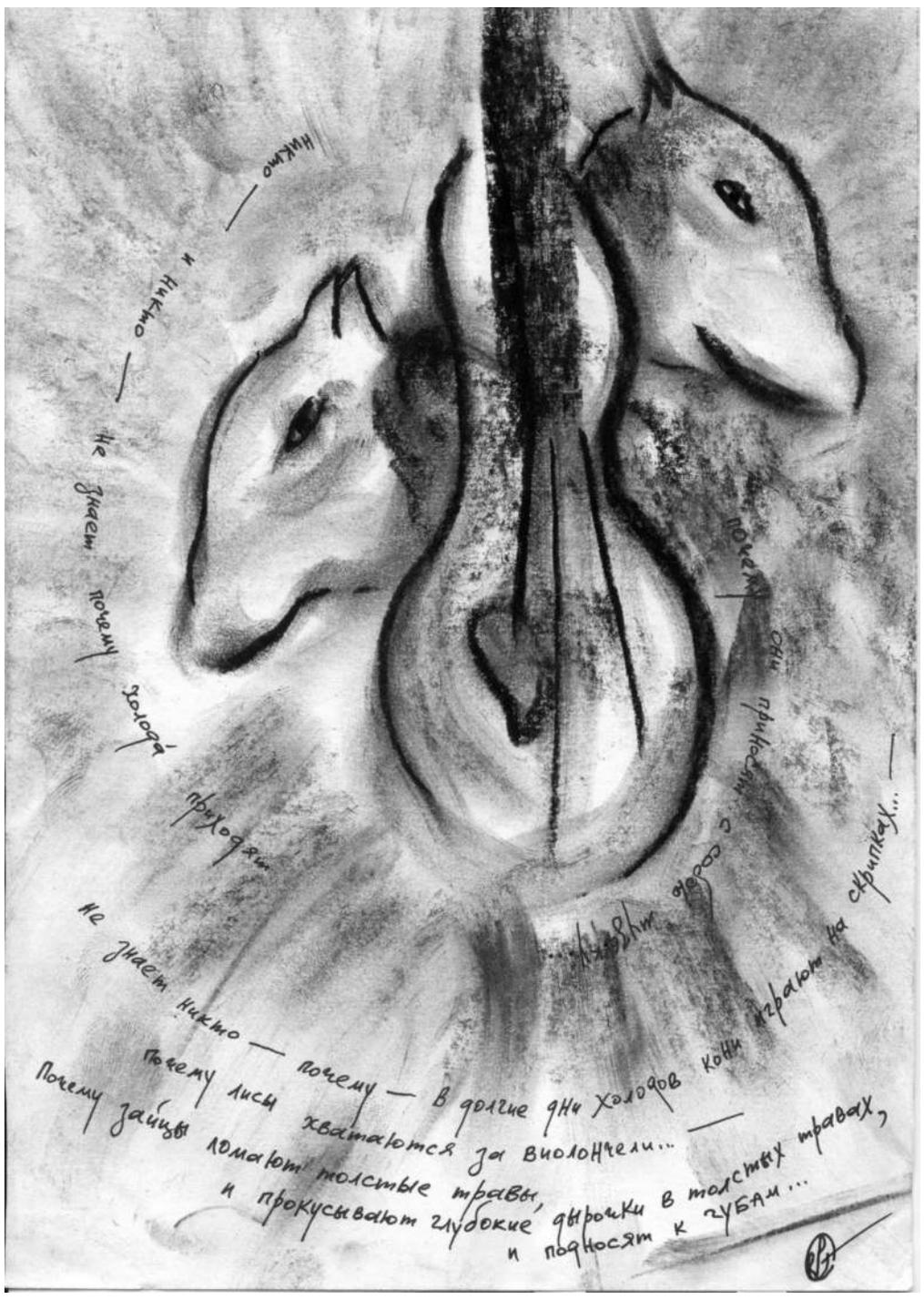
Мы с Вовкой шли по мягкой дороге, по обе стороны было немного зеленой травы, а дальше поля: серая земля и желтая солома. Возле дороги росли цветы, похожие на васильки, только бледнее и помногу на стебле. Я хотела собрать букет, но Вовка сказал, что любит цветы, когда они на своем месте. Я удивилась, потому что никогда не слышала такого, всегда рвала цветы для мамы, а если мамы не было, то просто так.

Я спросила Вовку, какой у него любимый цвет. Он посмотрел на небо и сказал: голубой. Это тоже удивило меня, я думала он назовет какой-нибудь густой и сильный цвет. Еще я ему рассказала о недавнем моем открытии: я сама догадалась, что когда говорят «здравствуйте» — это желают здоровья. А «до свидания» — значит, еще хорошо бы увидеться.

Вовку мои открытия не удивили, он просто кивнул. И тогда я стала врать, будто нашла под подушкой записку от мальчика, в ней было написано, чтобы я пришла в беседку после ужина.

Вовка остановился и спросил неприятным голосом:

— И что ты ответила?

Никто

и Никто

не знаем

почему

зачем

приходям

не знает никто

почему — в долгие дни холодов

почему лисы

хватаются за фиолетовые...

почему зайцы

копают толстые травы,

и прокусывают глубокие дырки в толстых травах,
и подносят к зубам...

почему они припадают к голоду и мрут...

израют на сфрыпках...

Кто-то

кобы

Я сначала растерялась, но тут же сообразила и соврала, что нарисовала на листке бумаги фигу и положила в беседке на стол. Это был удачный ответ: Вовка смеялся и называл меня молодцом. И потом еще вспоминал и улыбался. А я подумала: что, если он попросит нарисовать фигу, я же не умею? Но он ничего такого не попросил.

Мы пошли обратно в санаторий, Вовка спел песню, как он дежурит по апрелю, и быстро побежал на электричку. Я не плакала, потому что он сказал, чтобы я не была ревой-коровой. И я не была.

В санатории я хотела рассказать Мирре про Белку и Стрелку, но ее нигде не было: ни в палате, ни в игровой, ни на площадке — совсем нигде. Ворота в хозяйственный двор были заперты на цепь и замок, но в щель можно было протиснуться, и я подумала, может быть, Мирра там.

В самом дальнем углу хозяйственного двора прямо в траве лежали четыре квадратных коврика. Они были светло-зелеными, будто светились изнутри, и каждый обрамлен темными досками. Четыре коврика в ряд. Я никогда не видела такой нежной, мягкой на вид ткани. Как мех, но не из волосков, вроде моей цигейковой шубы, а сплошь из махоньких, налезających друг на друга выпуклых лепестков. На них приятно было бы ступить босиком. Я сняла сандалии, но стояла, не шла на коврик. Что-то было не так с этой светло-зеленой тканью.

На земле валялся обломок ветки, я подняла его, бросила в ближний квадрат — и отшатнулась. Коврик всколыхнулся, заколебался, как если бы зашевелилась земля. Ткань лопнула, разошелся слой зелени, открыл черную воду. Я стояла, боясь шевельнуться. Потом очень медленно пошла к воротам, чувствуя спиной, как притягивает водяная пропасть. Медленно, потому что если бежать, станет еще страшнее.

За воротами хозяйственного двора я надела сандалии и огляделась. Здесь все как раньше: вот корпуса, качели, сосны, беседка — будто ничего не случилось и не было того, страшного, за спиной.

На крыше беседки лежит Мирра — ее видно от ворот пустого по случаю воскресенья хозяйственного двора. Она лежит на спине и смотрит в небо. Как она туда забралась? А, вот же стремянка, вымазанная засохшей белой и синей краской. Я лезу наверх, на крышу, ложусь рядом, и тоже смотрю на медленные облака. Я думаю о черной воде, и что если бы не обломок ветки, я могла бы больше не видеть облаков.

— Хочешь, скажу секрет? — спрашивает Мирра. — Я скоро умру.

Я поворачиваю голову, не удивляясь созвучности мыслей. Мирра смотрит вверх, сильно сжав губы, так что вокруг рта у нее белое.

— Мне соседка сказала, старая большевичка. Туберкулез, от него умирают, — говорит Мирра и снова сжимает губы.

— Дура, — говорю я, — дура-дура-дура-дура! — и Мирра успокаивается. Кожа вокруг рта розовеет.

Соседка дура, а не Мирра, но мне сейчас неохота объяснять. Я спрашиваю:

— Хочешь, скажу секрет?

И я ей рассказываю, чего еще никому не говорила, даже Саше Подольскому, моему лучшему другу в школе, мы с ним на всех переменках сочиняем истории о маленьких человечках. Не говорила, потому что это важный секрет, на перемене им не поделишься.

— Там наверху, — говорю я протяжно, как мама, когда начинает сказку, — есть точно такая планета, как наша. На ней живет точно такая девочка, как я. Сейчас она со своей подругой лежит на крыше беседки, смотрит прямо на нас — и рассказывает о нас с тобой.

Мирра садится:

— Как ты знаешь?

— Знаю.

— Как зовется эта планета?

— Они называют ее Земля.

Мы садимся на край крыши, свесив ноги, и там, далеко в космосе две девочки зеркально повторяют наше движение. Или мы повторяем их? Ни то ни другое, мы делаем это одновременно, потому что нам, всем четверым, захотелось сидеть на краю и смотреть вниз.

— А давай спрыгнем! — говорит Мирра. — И эти, на планете, пускай тоже спрыгнут.

Я не уверена, что мне этого хочется. Зимой во дворе мы прыгаем с крыш сараев в снег, но там не так высоко.

Мирра берет меня за руку, сжимает крепко:

— Только не отпускай. Не отпускай меня, когда будем лететь. Раз, два... три!

Прыгаем. Летим. Удар по пяткам, звон в голове, вспышка перед глазами. Наши руки разъединились в полете, но это ничего, нам теперь весело, хочется бегать и кричать. Мы носимся вокруг беседки и пищим, как спутники в космосе: «би-би-би». Мне Вовка спутник зимой показывал: такая же звездочка, как другие, только ползет по небу вроде мухи на стекле. Зимой хорошо видны звезды и спутники тоже. Если, конечно, знать, куда смотреть.

Ура, меня забирают! Приехали сразу мама и Вовка, мы все вместе едем домой. Только пообедаю в санатории, даже на сон не останусь. Ужасно долго не зовут в столовую. Я уже забрала из камеры хранения чемодан, уложила все, оттащила Вовке, сдала книжки в библиотеку. Жаль, не успела дочитать про детей капитана Гранта. Как они выберутся из Патагонии?

Мирра не захотела со мной прощаться, а убежала и спряталась. Я оставила адрес у нее под подушкой, мы будем друг другу писать.

По дороге к электричке мама рассказывает Вовке, как она через профсоюз доставала ковры. Я убегаю вперед, возвращаюсь, наклоняюсь к цветам, но букет не собираю, помню Вовкины слова. В электричке мама просит меня угадать, какой нас дома ждет сюрприз. Я говорю: ковры, — и она удивляется, откуда я знаю.

Ковры оказались совсем не такими, как в санатории. Там они большие и с узорами, в нашу комнату такой даже не поместился бы. У нас просто две красные дорожки со светло-зеленой каймой по краям. Полоски каймы походят цветом на те жуткие коврики ряски, что я видела в санатории, так что я на них еще долго, наверное, класса до третьего, стараюсь не наступать.

Мирра мне не написала. Я вспоминаю о ней иногда, особенно когда слышу кукушку. Мы сидели как-то на качелях, и Мирра спросила: «кукушка-кукушка, сколько лет мне осталось жить?» Кукушка прокуковала два раза.

— Нет! — сказала я. — Эта птица такая же дура, как твоя старая большевичка.

Наверное, Мирра благополучно где-нибудь живет, у нее есть муж и дети. И те же кудрявые волосы, хоть и не такие рыжие: цвет волос смягчается со временем. Она даже, наверное, не была по-настоящему больна — скорей всего, у нее тоже была сомнительная проба Пирке, как у меня. А если и положительная, то всё равно это не обязательно туберкулез.

Я помню кадры фильма о голубях — мягкие, не контрастные, солнечные. Наполненные ветром простыни на веревке и между ними женщина, голова повязана платком, рукава закатаны. Голой по локоть, светлой от солнца рукой она снимает голубя с веревки, сворачивает ему шею, бросает на землю и уходит. Что это был за фильм? Я нашла и пересмотрела «Прощайте, голуби», но там нет такого кадра. Хотя фильм тоже не контрастный, солнечный. А главный герой похож на моего брата Володю.

Иногда я вспоминаю зеркальную планету. Хотя с тех пор как я рассказала о ней Мирре, моя планета перестала быть зеркальной. Там всегда конец августа, и две восьмилетние девочки бродят под соснами, сидят на качелях и прыгают с крыши, стараясь не разнять рук. В столовой они кладут масло в чай, а в тихий час смеются так, что воспитательница выставляет их в коридор — в разные концы. Им смешно стоять в коридоре, так смешно, что они никак не могут перестать смеяться.